

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВСЕВОЛОДА
ЭМИЛЬЕВИЧА МЕЙЕРХОЛЬДА,
ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОВЕТСКОГО
РЕЖИССЕРА

... ДАЛ КОРНИ ТЕАТРАМ БУДУЩЕГО

Вс. Э. Мейерхольд, будущий великий режиссер, начинал свою творческую жизнь в Московском Художественном театре как актер, замечательный исполнитель ролей Треплева, Тузенбаха («Чайка») и «Три сестры» Чехова, Иоганнеса Фокерата («Одинокое» Гауптмана) и других.

Самостоятельная режиссерская деятельность Мейерхольда началась в 1902 году, когда он, покинув МХТ, возглавил труппу, обосновавшуюся в Херсоне, а затем выступавшую в Николаеве и Тифлисе. Молодой режиссер сразу же завоевывает репутацию дерзкого и талантливого экспериментатора. Неустанные и разнообразие поиски в области театральной формы Мейерхольд продолжает в Москве, в студии на Поварской (1904—1905), потом в Петербурге, в театре В. Ф. Комиссаржевской (1906—1907), на Александринской и Мариинской сценах, на различных сценических площадках. Он ставит Ибсена и Гауптмана, Метерлинка и Шницлера, «Балаганчик» и «Незнакомку» Блока, «Дон-Жуана» Мольера, «Маскарад» Лермонтова.

После Октября Мейерхольд отдает весь свой громадный талант на службу революции. Он в первом ряду тех, кто закладывает основы нового советского искусства и создает ему мировую славу.

Работа в Театре РСФСР Первом, в Театре Революции, а с 1924 года в Театре им. Вс. Мейерхольда, он утверждает на сцене советскую драматургию — пьесы Вс. Вишневского, И. Сельвинского, А. Файко, Ю. Олеши, Н. Эрдмана. Тесная творческая дружба связывала Мейерхольда с В. Маяковским: Мейерхольд явился первым сценическим интерпретатором «Мистерии-буфф», «Бани», «Клопа». Более сорока спектаклей поставил режиссер в советское время, и в каждом из них жил дух неутомимых новаторских исканий. Среди выдающихся созданий Мейерхольда особое место занимают



постановки русской классики: «Доходное место» и «Лес» Островского, «Ревизор» Гоголя, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Горе уму» («Горе от ума») Грибоедова.

Творчество Вс. Э. Мейерхольда оказало огромное влияние на развитие театрального искусства всего мира.

А. В. Луначарский

Театр Мейерхольда, несомненно, приобрел и не только всеобщее, но и в некоторых отношениях всемирное значение. Я всегда относился к Вс. Э. Мейерхольду как к человеку замечательного режиссерского дарования, с огромными ресурсами и фантазией, притом как к человеку чрезвычайно многогранному, гибкому, способному быстро понимать условия времени и не просто подчиняться им, а давать на них какие-то ограничивающие и объясняющие время отклики.

(Из кн.: А. В. Луначарский о театре и драматургии, т. 1, М., 1958).

Е. Б. Вахтангов

Какой гениальный режиссер, самый большой из доселе бывших и существующих. Каждая его постановка — это новый театр. Каждая его постановка могла бы дать целое направление... Мейерхольд самобытен. В тех работах, где он, ощущая подлинную театральность, не опирается на авторитет книг, где он интуитивно, а не путем реконструкций исторических планов и форм театра ищет эти планы у себя, он почти гениален... Мейерхольд дал корни театрам будущего. Будущее и воздаст ему...

(Из записной тетради. 26 марта 1921 г. — В кн.: Театральные страницы. М., 1969.)

Французский актер и режиссер Шарль Дюллен

Мейерхольд — это творец форм, поэт сцены. У него свой театральный язык, язык жестов и ритмов, который он изобретает для выражения своего замысла, и который столько же говорит глазу, сколько текст слуху. Он создает свои средства выражения, исходя из внутреннего смысла произведения; он снимает кожуру с плода, отбрасывает все лишнее, идет прямо к сердцевине, а если нет сердцевины, он показывает каркас...

Его творчество тесно связано с революцией. Оно неизбежно должно было прийти по душе народу, который жадно стремится строить после того, как разрушал.

(Из кн.: Ш. Дюллен. Воспоминания и заметки. М., 1958).

И. Л. Сельвинский

Мы все еще по-старому, по-дореволюционному не умеем ценить оригинальные дарования. Нас раздражают «уродливые» горбы верблюда и слишком «дисимметричная» шея жирафа. Мы хотели бы, чтобы кенгуру бросил «оригинальничать» и превратился в обыкновенного русского зайца, а тигр — в привычного домашнего коота Ваську.

Но если бы мы добились этого от Мейерхольда, страна была бы разочарована. Ей было бы горько от сознания, что у Мейерхольда не будет больше таких «провалов», как «Ревизор».

Да, Мейерхольд должен остаться Мейер-



хольдом. Всегда новым, неожиданным, «иным», контрастным, дискуссионным. Всегда становящимся, вечно растущим и неизменно «провальным». Ибо эти «провалы» — страницы ярчайших достижений в истории мирового театра. Ибо имя Мейерхольда — символ неутомимого революционного искательства, эмблема того большевистского динамизма в искусстве, который сделал нашу республику из жизни самой одухотворенной страной мира.

(Из ст.: Величайший мастер. — «Вечерняя Москва», 1934, 9 февраля).

И. Г. Эренбург

Мейерхольда часто упрекают в том, что он недостаточно бережно относится к тексту классиков, как будто речь идет о хранителе архивов. Мейерхольд влюблен в Гоголя и в Грибоедова. Он беседует с ними запросто, он принят ими, вместе с ним они ставят свои старые комедии в советской Москве. Режиссер не смеет думать о «точности»: пьеса для него то, что для автора — жизнь. Если режиссер не вступает в творческую связь с автором, спектакль мертв. Если он слепо следует так называемым «авторским ремаркам»..., то нельзя даже сказать, что спектакль мертв, спектакля попросту нет.

Я как-то слышал, что «Ревизор» у Мейерхольда — это «не Гоголь». Между тем «Ревизор» у Мейерхольда — это самая сущность Гоголя, это все, что Гоголь вложил в свою комедию, и это все, что мучило его от «Страшной мести» до «Мертвых душ». Конечно, глупо спорить о том, что бы сказал Грибоедов, увидев постановку Мейерхольда. Может быть, он осудил бы ее. Это означало бы, что человеку 1835-го трудно понять 1935 год. Однако мне думается, что Грибоедов, увидав русских романтиков, читающих стихи, или обеденный стол, по которому гуляет сплетня, подумал бы: здорово я это написал!... Хотя именно этих деталей нет в его комедии. Они могли бы быть. И Мейерхольд помог Грибоедову перешагнуть в новое столетие.

(Из ст.: «Горе уму». — «Известия», 1935, 24 ноября).

Из книги К. Рудницкого «Режиссер Мейерхольд»

... Искусство Мейерхольда, столь близко по стилю искусству Маяковского и Эйзенштейна, воспринимается в общей панораме развития театра XX века как прямое следствие великой революции, свершенной Станиславским. Талантливейший из учеников Станиславского прошел сложный и трудный путь самостоятельных новаций. Первооткрыватель и экспериментатор, дерзкий творец небывалых ранее сценических форм, Мейерхольд соприкасался, однако, с очень широким кругом художественных явлений прошлого. При всей его удивительной переменчивости, при всей внезапности, с которой он переходил от спектакля к спектаклю, решительно отбрасывая только что найденное, им же утвержденное, и тотчас предлагая взамен нечто вовсе уж неожиданное и непредвиденное, Мейерхольд был по-своему последователен. Динамика его искусства обладала, во-первых, скрытой собственной внутренней логикой развития... и, во-вторых, сохраняла постоянные контакты с культурным наследием, с традицией, с тем, что Станиславский называл «вечным» в театре. Эффектность новаторства Мейерхольда, его чуткость к «злобе дня» были в самом полном, старинном смысле слова «театральны». Он был человеком театра и многое на театре изменил.

Через голову традиций конца XIX века, которые он полемически отвергал, Мейерхольд обращался к более древним традициям французского классицизма, японского театра Кабуки, русского скоморошества и итальянской комедии масок. Это позволило Мейерхольду установить непосредственные связи с народной театральной стихией, с балаганом, площадным представлением и дать современному театру подлинный демократизм, вольный народный дух.

Мейерхольда всегда увлекала игра на границе между сценой и зрительным залом, на просцениуме, на самом его краю. Актер Мейерхольда перешагивал рампу, проходил насквозь так называемую «четвертую стену», не желая признать ее существования. Он стремился активизировать публику, вовлечь ее в действие, вступить с ней в прямое общение. Условность театрального представления и игровая природа его подчеркивались во имя совместного с публикой творчества. Обретенная острота контактов со зрителями способствовала идейной насыщенности искусства Мейерхольда. Оно развивалось как искусство, жаждущее широких философских и поэтических обобщений, способное выразить не только опыт отдельного человека, не только смысл его судьбы и драмы, но и опыт истории, эпохи, общества.

На снимках: Вс. Э. Мейерхольд; Мейерхольд в костюме Пьеро («Балаганчик» А. Блока в театре В. Ф. Комиссаржевской). Рис. Н. Ульянова. 1907 год.